

УДК 94 (47) 08 (575.2) (04)

**“СЕРЬЕЗНОЙ ЗАДАЧЕЙ ДЛЯ МЕСТНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ
ЯВЛЯЕТСЯ НАДЗОР ЗА ПРЕССОЮ ...”
(ОБ ИЗМЕНЕНИИ ПРАКТИКИ ЦЕНЗОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ НАЧАЛА XX в.)**

А.А. Строева

Рассматриваются изменения в области организации и осуществления цензуры в Российской империи и особенности ее применения в губерниях Центрального Черноземья.

Ключевые слова: цензура; губернатор; губернская администрация.

В начале XX столетия в Российской империи наблюдался рост образовательного уровня населения, увеличивалось количество людей, получающих социальную информацию из газет и журналов, что стимулировало появление новых печатных органов. Значение печати в общественной жизни страны неумолимо росло. И все чаще периодические издания становились не только правительственной трибуной, но и проводником антиправительственных идей. Все это свидетельствовало о неэффективности цензурной политики и необходимости ее пересмотра. События начала XX в. заставили власть понять, что существующий цензурный аппарат уже не мог оградить отечественную прессу от наплыва революционных идей. И в 1905 г. появляется ряд проектов по созданию проправительственной прессы и ужесточению мер по отношению к нарушителям цензурных законов.

Так, 30 мая 1905 г. министр внутренних дел А.Г. Булыгин представил императору записку, в которой описывал крайнее напряжение российского общества, которое напрямую отражалось на прессе. Существовавшие административные способы воздействия на печать, по мнению министра, никак не могли быть признаны удовлетворительными. Автор предложил три неотложные меры: “1. Установить ответственность по суду за нарушение строго определенных пределов свободы печатного слова; 2. Прямое воздействие на повременную печать путем определенных программных указаний с применением широко практикующейся в западных государствах системы отношений изданий правительственного направления и с выдачей,

в случае необходимости, соответствующей денежной субсидии; 3. Издание официальных органов печати”¹. Ранее правительство не использовало этот ресурс и относилось к печати отрицательно. Но в тех условиях цензурные учреждения уже не могли сдерживать антиправительственную направленность прессы. По мнению А.Г. Булыгина, необходимо было менять политику, использовать не только цензурные запреты, но и проводить через печать свои взгляды, только так можно было обеспечить поддержку большинства населения. Среди газет, как отмечал министр, не было ни одной (даже консервативной), которая бы всецело поддерживала правительство. В такой ситуации печать должна была стать действенным орудием правительственного влияния, “чтобы способствовать успокоению глубоко преданного правительству большинства, дав ему разъяснение волнующих его сомнений, и поддерживать в нем веру в будущее”².

Это был не единственный проект такого рода. Практически одновременно свою записку императору представил гофмейстер Б.В. Штюрмер³. Разница в этих проектах лишь в том, что Булыгин хотел подчинить Бюро печати Министерству внутренних дел, а Штюрмер, наоборот, стремился сделать его независимым от Министерства. Как раз второе предложение было более предпочтительным: Бюро печати не должно было зависеть

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 109. Оп. 213. Д. 22. Л. 49–50.

² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 213. Д. 22. Л. 51 об.

³ Там же. Л. 52–53 об.

от случайной смены министров, поскольку «министры могут меняться, а воззрения правительства на текущие события должны быть устойчивы»¹. Сторонников создания правительственной прессы было очень много. Современник этих событий генерал-майор Трепов считал, что создание органов прессы, на которые правительство могло бы опираться, являлось на тот момент задачей первой необходимости и должно было быть осуществлено как можно скорее². Это означало, что власть готова не только использовать ограничения печатного слова для борьбы с политическими противниками, но и поставить периодические издания на службу собственным интересам.

Проекты были реализованы следующим образом: 26 августа 1906 г. при Главном управлении по делам печати основали Осведомительное бюро, которое затем вошло составной частью во вновь образованное Бюро печати при МВД. Однако его функции были несколько видоизменены: предоставление ежедневных утренних докладов по печати (в виде систематизированных газетных вырезок) председателю Совета министров, министру внутренних дел, начальнику Главного управления по делам печати, а также краткие доклады по компетенции руководителей ведомств и другим лицам (всего 205 адресов)³. Но добиться желаемого результата так и не удалось, и цензурная политика продолжала оставаться карательным инструментом в руках властей.

Необходимо отметить, что мощный революционный толчок вывел отечественную цензурную политику на новый уровень. Правительство вынуждено было пойти на уступки. На страницах периодической печати активно обсуждались ранее запрещенные вопросы (например, о необходимости внесения изменений в законодательство о цензуре и печати).

Манифест 17 октября 1905 г. даровал населению «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова...»⁴. В результате 24 ноября 1905 г. высочайшим указом императора Николая II предварительная цензура как общая, так и духовная, была ликвидирована. Действующие до этого постановления сохранялись лишь для повременных изданий, выходящих вне городов. Также отменялись залоговые и административ-

ные взыскания. Была восстановлена судебная ответственность за преступные деяния, «учиненные посредством печати в повременных изданиях». Отменялось и право министра внутренних дел «воспрещать оглашение или обсуждение в печати какого-либо вопроса государственной важности». Но, в интересах сохранения государственной тайны, сохранялось право министра «воспрещать на определенный срок сообщение в повременных изданиях сведений о передвижении войск или морских сил и о средствах обороны»⁵. 26 апреля 1906 г. высочайшим указом была отменена предварительная цензура для непериодической печати.

Временные правила 1905, 1906 гг. – шаг вперед в развитии русского цензурного законодательства о печати, так как, хотя и на короткое время, была провозглашена свобода печати. Однако цензура так и не была уничтожена, зато была восстановлена судебная ответственность за преступные деяния в области печати и ограничен произвол министра внутренних дел.

Для усиления правительственного контроля, в том числе и в области цензуры, в разных регионах страны с 1905 г. все чаще стало использоваться положение об усиленной и чрезвычайной охране. При этом председатель Совета министров П.А. Столыпин призывал местное начальство как можно чаще пользоваться этим рычагом воздействия на печать.

В циркуляре председателя Совета министров П.А. Столыпина губернаторам от 15 сентября 1906 г. указывалось: «Серьезною задачею для местной администрации является надзор за прессою. Допущенная законом свобода печати использована почти повсеместно лицами явно враждебными правительству во вред последнему и создала целый ряд органов, растлевающе действующих на население»⁶. Министр внутренних дел предлагал возбуждать уголовное преследование против редакторов, авторов и издателей, которые нарушали закон посредством печатного слова. Отмечаются и дополнительные возможности борьбы с преступлениями в области печати для тех местностей, где действовало военное положение или чрезвычайная охрана, где все тенденциозные издания, а также типографии, предоставляющие им свои услуги, следовало немедленно закрывать. При этом «пред-

¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 123. Д. 22. Л. 55–55 об.

² Там же. Л. 45.

³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 253. Д. 181. Л. 18–19.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. XXV. СПб., 1908. С. 754.

⁵ Именной Высочайший указ, данный Сенату «О временных правилах о повременных изданиях». 24 ноября 1905 г. Ст. 5–6. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.opentextnn.ru/censorship/russia/dover/law/1905>.

⁶ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 776. Оп. 22. Д. 24. 1906 г. Л. 336.

ставляется желательным сообщать прокурорской власти систематически подобранную совокупность статей и заметок данного органа печати, которая не оставляла бы сомнения в том, что всюо деятельностью его осуществляется преступная пропаганда”.

Отдельного разьяснения удостоились случаи, когда печатные органы помещали на своих страницах “преступные воззвания”, при этом, поскольку редакция не выражала на этот счет своего мнения, редакторы и издатели не могли быть привлечены к ответственности за “одно воспроизведение в печати” чужого мнения. И Правительствующий Сенат, и Совет министров однозначно высказывались по этому поводу: избежать ответственности ответственные лица могли лишь в том случае, если “воспроизведение его сопровождается критикой, заключающей в себе неодобрение этому произведению, а, с другой стороны, закон признает наказуемою простую дачу подобных сочинений, а потому распространение таковых в газетах без надлежащей отрицательной критики является одним из опаснейших видов пропаганды”¹.

Все это способствовало изменению взаимоотношений региональной администрации и подцензурных учреждений. Во главе цензурного аппарата в местностях, где не существовало цензурных установлений, стоял губернатор. А также часть обязанностей по цензуре выполнял вице-губернатор, чиновники особых поручений при губернаторе, чины политической и исполнительной полиции. В их задачи входило недопущение разглашения запрещенных сведений и привлечение виновных к ответственности. Такой порядок организации цензуры существовал и в губерниях Центрально-Черноземного региона, поскольку должности отдельного цензора или специальных цензурных органов в них не было.

Губернская администрация кроме основных своих обязанностей вынуждена была выполнять огромный объем работы. Это видно из данных о количестве подцензурных учреждений. Так, в 1902 г. в губернском Курске функционировало 8 книжных магазинов, 1 книжный склад, 6 библиотек, 7 типографий и литографий, 2 заведения каучуковых и медных штемпелей и печатей, 1 заведение для печатания визитных карточек и свадебных билетов и 7 фотографий. В уездных городах таких заведений было намного меньше, однако они намного обгоняли Курск по количеству библиотек и читален. Например, в г. Судже и Суджанском уезде функционировало 36 библиотек и читален, а в Тимском

уезде – 20. В Тимском уезде работала одна книжная лавка и одна типография и 4 книжных склада. А в Суджанском уезде 2 типографии, 3 книжные лавки, 9 книжных складов и одна фотография². А в восьми уездах и городах Воронежской губернии (Острогожский, Павловский, Нижнедевицкий, Задонский, Новохоперский, Богучарский, Валуйский уезды, а также город Биючи с его уездами) в 1914 г. насчитывалось в общей сложности 19 типографий, 9 фотографий, 28 книжных магазинов и лавок, 2 специализированных писчебумажных магазина и 48 библиотек и читален³. Наличие тех или иных учреждений связано с количеством населения в городах и с покупательной способностью населения.

Цензурная деятельность была организована крайне неудобно, что приводило к тому, что за региональной прессой тянулся длинный хвост нарушений.

Так, в июне 1907 г. в Воронеже при просмотре газеты “Воронежское слово” губернатор заметил ряд нарушений: “1) в передовой статье и заметках из Березовской волости Воронежского уезда “Состояние посевов” оглашение и распространение сообщений, возбуждающих враждебное отношение к правительству; и 2) заметки из Богучар “Искоренитель крамолы” распространение ложных о деятельности должностных лиц сведений, возбуждающих в населении враждебное к ним отношение”⁴. За это на редактора газеты “Воронежское слово” А.Г. Михайловского был наложен штраф в пятьсот рублей, с заменой этого наказания “при несостоятельности” нарушителя арестом на три месяца. Однако при попытке объявить постановление губернатора и взыскать назначенный штраф, полицмейстер выяснил у издателя В.И. Коллюбакина, что редактор А.Г. Михайловский “неизвестно куда выбыл из города Воронежа и неизвестно когда вернется”.

Воронежский губернатор сообщил в Главное управление по делам печати о сути данных нарушений и получил телеграмму от министра внутренних дел П.А. Столыпина с требованием немедленно доставить в Главное управление по делам печати те номера повременных изданий, в которых были допущены нарушения и указать статьи, по которым собираются привлечь к ответственности виновных. Тем временем против издателя газеты “Воронежское слово” В.И. Коллюбакина по ходатайству

¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 776. Оп. 22. Д. 24. 1906 г. Л. 336.

² Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 6965. Л. 25–26, 56–58, 60–64.

³ Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. И-6. Оп. 1. Д. 2020.

⁴ Там же. Д. 1323. Л. 1.

вице-губернатора было возбуждено уголовное преследование (за то, что им не было своевременно заявлено о выезде ответственного редактора газеты из города). Правда, судебное было прекращено на следующий же день, так как из Главного управления по делам печати сообщили, что: «ни прежний устав о цензуре и печати, ни действующие ныне временные правила не предъявляют к редакторам повременных изданий при переезде в пределах империи никаких требований, хотя бы даже в смысле уведомления о том подлежащих установлений или должностных лиц по делам печати, а потому, в подобного рода случаях надлежит обращать внимание лишь на то ... чтобы на каждом номере этого издания была обозначена фамилия законного редактора»¹. Утрата звания редактора следовала лишь в том случае, если носящий оное «выедет за границу без уведомления Главного управления», либо будет подано соответствующее заявление о замене ответственного редактора. И поскольку преследование В.И. Колубакина было признано не законным, то оно было прекращено, хотя распоряжение губернатора по поводу нарушений, допущенных в газете, осталось в силе. Однако чем закончилось это дело неизвестно, поскольку вплоть до его окончания в мае 1908 г. так и не удалось получить никаких сведений о месте жительства Михайловского.

Вице-губернаторы так же выполняли значительный объем обязанностей в области цензуры, но без отдельного вознаграждения за данную деятельность. Они рассматривали и разрешали к печати статьи, которые помещались в официальной части губернских и областных ведомостей, осуществляли цензуру частных периодических изданий. Мотивировалось это тем, что вице-губернаторы, стоящие в центре губернской администрации, имели «наибольшую возможность вполне правильно относиться к местной печати, знать ее интересы и нужды и давать ей соответствующее видам правительства направление»².

Нередко поднадзорные лица жаловались на неудовлетворительность выполнения чиновниками обязанностей по цензуре в Главное управление по делам печати. В 1902 г. в Главное управление по делам печати поступили две жалобы на действия местной цензуры от издательницы «Курской газеты» госпожи С. Свиридовой и от издателя и временного редактора газеты «Курский листок» господина С. Фесенко. Оба издателя жаловались на старшего советника Курского губернского правления господина В.Н. Перцева, который временно

исполнял обязанности по местной цензуре: статьи задерживались на длительный срок, что мешало выходу газеты, а время цензурования произвольно ограничивалось им только утренними часами³.

В.Н. Перцев заслужил прекрасные характеристики от губернатора. В частности, губернатор пояснял, что господин Перцев был далеко не молод и состоял на службе уже 40 лет. Во время исполнения им обязанностей вице-губернатора ко всем прочим заботам прибавилось и цензурование «Губернских ведомостей», «Курской газеты», «Курского листка» и «Курского листка объявлений». И хотя цензурование не являлось его прямой обязанностью по должности старшего советника, но он всегда относился к своей работе внимательно, и лишь крайняя непорядочность и назойливость «некоторых редакций», по мнению губернатора, могла заставить его «поставить этой работе некоторые границы». Губернатор Н.Г. Бюнтинг, когда-то исполнявший обязанности вице-губернатора, отмечал, что требования эти не имели границ, часто корректуры доставлялись глубоко ночью, сопровождаясь настоятельным требованием разрешения к печати некоторых статей. Он сам «покорно исполнял эти требования, не желая конфликтов», о чем глубоко сожалел в 1902 г. и винил себя за свою мягкость и сговорчивость, давшие теперь повод для жалоб на В.Н. Перцева, который физически не мог срочно осуществлять эту работу, да и не обязан был по закону⁴. Господина В.Н. Перцева, правда, взысканию не подвергли, но из Главного управления по делам печати последовали разъяснения на имя губернатора о том, что ст. 64 Устава о цензуре требовала от цензора безотлагательного просмотра всех доставленных материалов, а газетные статьи должны были просматриваться в первую очередь. Цензор не мог задерживать номера повременных изданий дольше того срока, в которые они выходили, а уж тем более не мог ограничивать время цензурования определенными часами⁵.

Таким образом, в начале XX века власть пересматривает свое отношение к печатному слову и цензуре. Все яснее становится понимание того, что простое сдерживание развития прессы не отвечает больше вызовам времени. Необходимо было не только контролировать и ограничивать периодическую печать, но и поставить ее на службу государственным интересам. Цензурная политика оказалась несостоятельной в борьбе с антиправительственной деятельностью, что привело к пере-

¹ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1323. Л. 6.

² ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6743. Л. 62.

³ Там же. Л. 83–84.

⁴ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6994. Л. 1–2 об.

⁵ Там же. Д. 6743. Л. 83–84.

История. Политология. Право

смотрю цензурных законов. Однако назревшая необходимость реформы цензурного ведомства, особенно в регионах, так и не привела к каким-либо действиям со стороны государства. Местная периодическая печать все равно во многом продолжа-

ла зависеть от произвола чиновников губернской администрации. Хотя и сами чиновники, и подцензурные учреждения считали существовавший порядок цензорской деятельности в провинции неудовлетворительным и малоэффективным.